

Литература:

1. Гуртов В. А., Голубенко В. А., Сигова С. В. Прогнозирование потребности в высококвалифицированных кадрах для приоритетных направлений развития России // Спрос и предложение на рынке труда и рынке образовательных услуг в регионах России: Сб. докладов Девятой Всероссийской научно–практической Интернет–конференции (31 октября – 1 ноября 2012 г.) — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. — Книга II. — С. 75-84.

2. Gurtov V., Kekkonen A., Sigova S. Crucial occupational skills forecasting: the experience of Russia and European countries. Journal of International Scientific Publications: Educational Alternatives – 2012. — Volume 10 — Part 1. — pp. 16-23.

3. Профессиональные стандарты в области информационных технологий. М.: ФП КИТ, 2008. 616 с.

4. Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) по специальностям и направлениям обучения ПетрГУ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://petrsu.karelia.ru/Abit/doc_FGOS/index.html (дата обращения: 12.02.2013).

ЛОГИКА ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА КАК ПУТЬ К МОДЕЛИ КОНЦА ИСТОРИИ

В. П. Горюнов, профессор, *СПбГПУ*

Переход к созданию техники и социальной организации совместной жизни, в основе которой лежит отношение «цель–средство», можно обозначить как переход к техносоциальному способу жизни. Он позволил человеку выйти за пределы естественно-природного равновесия и обеспечить большую выживаемость, т. е. большую плотность населения по сравнению с той, которая возможна в естественных условиях. Одновременно качественное изменение содержания жизнедеятельности привело к определенным изменениям условий существования, возникновению новых потребностей, связанных с материально-технической деятельностью. Соответственно меняется предметное выражение социальной дифференциации, но ее суть остается неизменной — проживание одной жизни за счет

другой, хотя речь здесь идет уже не столько о жизни в буквальном, организмическом смысле, сколько об условиях существования в качестве человека. Вместе с тем это не означает перехода социальной дифференциации в разряд относительных различий в рамках общеисторического повышения уровня жизни, когда, например, условия существования современного рабочего признаются лучшими, чем условия существования короля более ранних эпох. Действительно, общая продолжительность жизни людей под влиянием научно-технического прогресса увеличивается, однако отношение «цель—средство» остается абсолютным в той мере, в какой жизнь одних людей полностью вбирает в себя достижения цивилизации, а другие проживают ее так и столько, как и сколько они могут функционировать в качестве средства.

Совокупная масса ресурсов, непосредственно и опосредствованно расходуемых на осуществление процесса производства, в конечном счете, растет с опережением, в силу чего совокупная масса производимых средств жизни не способна заполнить требуемый объем потребления даже при условии его усредненности в уравнивательском варианте распределения, оставаясь всегда меньшей по сравнению с той массой, которая обеспечила бы возможность существования всех участников производства. Иначе говоря, материально-техническое развитие, позволяя на основе научно-технического прогресса осуществить абсолютный рост производства средств жизни и численности народонаселения, ни при каких обстоятельствах не может устранить указанное выше неравенство, «преодолеть» данную техносоциальную формулу. То есть общество не в состоянии догнать самого себя в непрекращающейся гонке производимых и необходимых ресурсов жизни.

Наибольшей определенностью в рациональном истолковании прогресса характеризуется общественное развитие, применительно к которому можно вести речь об объективно сопоставимых показателях, рассматриваемых в качестве критериев. Безотносительно к общественному развитию категория прогресса при рациональном рассмотрении лишается какого бы то ни было смысла. Только при наличии восходящей поступательности в общественном развитии можно построить модель направленности изменений бытия, поэтому признание общественного прогресса

рассматривают в качестве исходного пункта для признания всеобщего, рационально понимаемого прогресса вообще.

Общественный прогресс обычно сводится к человеку, к неким интегральным объективным показателям производственно-технической, социально-политической и духовной жизни, к достижению неких идеалов типа всеобщего равенства, справедливости, свободы, разностороннего и гармоничного развития и т. п. Однако данные показатели и идеалы объективно не имеют каких-либо абсолютных значений и могут рассматриваться лишь в их относительном выражении.

Всякая система предельна в своем прогрессировании в силу предельности окружающей среды как базы ее существования. Непрерывность материально-технического развития обеспечивается научным познанием, расширяющим сферу материального единства общества и природы, т. е. расширяющим окружающую среду в качестве основы человеческой жизнедеятельности. Следовательно, материально-технический прогресс конкретно-исторически относителен, а вопрос о его абсолютной предельности или беспредельности сугубо абстрактен и в настоящее время не имеет какого-либо определенного ответа вне рамок идеологического рассмотрения. Главное здесь заключается в том, что техносциальная формула общества остается непреодолимой и материально-технический прогресс не обеспечивает всеобщего выживания, будучи и в этом смысле всегда относительным.

Для вышеуказанных и им подобных социальных идеалов содержание понятия прогресса сугубо ценностно и объективно выразимо лишь в качестве возможности всеобщего выживания, поскольку развитие одних социальных систем за счет деградации других не может быть признано общественным прогрессом. Но всеобщее выживание невозможно в соответствии с техносциальной формулой, идеал — за ее пределами, и общественный прогресс представляет собой вечное стремление к выходу за эти недостижимые пределы.

Понятие прогресса недостаточно разработано с точки зрения позитивной определенности его содержания, прежде всего, в рамках научной рациональности. Оно остается, в первую очередь, мировоззренческо-идеологической категорией, содержательно видоизменяющейся в ходе

социально-исторического развития. То или иное понимание прогресса является стержневым показателем понимания бытия в целом, определенной картины мира. Поэтому его изменение необходимо сопутствует переходам от одних мировоззренческих моделей, идеологических систем к другим. Признание прогресса всегда основывается на некотором допущении.

Исчерпаемость ресурса существования — фундаментальный закон природной и социальной жизни. Предельным уровнем исчерпаемости материального субстрата техники является всеобщая исчерпаемость технологического способа производства (общественной жизни вообще), обуславливающая предельность общественного роста. Для первобытного общества, базирующегося на присваивающем технологическом способе жизни, это означает застойное существование в рамках естественно-природного равновесия, отличающееся от существования животных большей интенсивностью потребления готовых ресурсов окружающей природной среды с помощью простейших орудий (первых технических средств), применительно к цивилизованному обществу, базирующемуся на производящем технологическом способе жизни, — развивающееся существование в рамках производственно-природного равновесия, постоянная смена технологических способов производства (изменение материального субстрата техники), рост общества по всем показателям.

Смена технологических способов производства сопровождается кризисами, охватывающими общество в зависимости от его готовности к переходу на новый уровень производственно-природного равновесия. Периоды существования на базе определенных технологических способов производства (на базе освоенного ресурсного потенциала природы) сокращаются, а затраты на переход к новому технологическому способу возрастают. При невозможности изменения материального субстрата техники и перехода к новому технологическому способу производства общество не может выйти из кризиса и разрушается. История демонстрирует примеры попадания отдельных цивилизаций прошлого в технологический тупик и их последующего исчезновения.

Таким образом, определяемый значением техносоциальной формулы закон материально-технического, социального и духовного развития состоит в ускорении его темпов при непрерывном, неотвратимом

увеличении объема общества. Объективно закономерным является непрерывный рост материального производства, в том числе увеличение массы и энергетической мощности всеобщей материально-технической системы, постоянное обновление предметного содержания материально-технического развития, т. е. вовлечение все новых и новых предметов и процессов природы, разработка новых конструкций и технологий. Столь же закономерно увеличение требуемой численности народонаселения, порождающий ряд специфических проблем. Соответственно в социальной области наблюдается обновление, расширение форм конкуренции и насилия при наращивании мощности и поражающей эффективности средств социальной борьбы.

Критерий общественного прогресса, не выразимый ни в типе техники, ни в форме социальной организации, ни в объеме знаний и духовной устремленности, в конечном счете, сводится к одному показателю — способности к выживанию общества, не имеющему каких-либо абсолютных значений с точки зрения пространства и времени. В свою очередь, в общественном развитии всегда сохраняется возможность утраты этой способности, что и составляет интегральное содержание социального риска.

Следовательно, научно-технический прогресс, реализуемый в материально-техническом развитии, выражается не только в переходе к использованию новых природных форм движения материи, но и в переходе к новым формам использования человека в качестве средства. Соответственно общественный прогресс состоит не в движении к всеобщему благоденствию, а во все большем опосредовании отношения «цель – средство», в отдалении от прямого непосредственного насилия в развитии форм социальной дифференциации, тенденции к всеобщему труду, в котором данное отношение цели и средства реализуется в отношении технологических лидеров и аутсайдеров.

Распространенный тезис о том, что можно достигнуть устойчивого развития при оптимизации структуры потребления и распределения, не имеет объективного основания, поскольку для человеческого существования недостаточно иметь только пищу, одежду и жилище, нужен весь комплекс социального бытия — образование, здравоохранение, культура, развлечения. Причем возрастает не только численность людей, но и

продолжительность их жизни, ее предметное наполнение — без этого невозможно дальнейшее развитие научного познания. Значит, надо постоянно наращивать производство. Но уже на его нынешнем уровне обнаруживается некий экологический порог — например, ограниченность источников энергии и допустимых объемов ее высвобождения. Следовательно, путь дальнейшего роста производства грозит катастрофой. Но тогда неизбежно сокращение населения и потребления при общей деградации общества. Однако производство будет расти, это фундаментальный закон. Возникает, казалось бы, неразрешимое противоречие между пределами роста и избыточностью существования как движущей силы материально-технического развития. Отсюда следует простая альтернатива — либо социальная жизнь затухает, либо происходит технологический переворот, что всегда наблюдалось в прошлые времена. Выход один — смена технологического способа жизни.

Вот уже более двадцати лет предметом обсуждения гуманитариев различного профиля является интеллектуальная конструкция американского философа Ф. Фукуямы о конце истории с ее последующим гипотетическим пересмотром самим автором. Первоисточниками самой постановки вопроса Ф. Фукуяма справедливо считает Г. В. Ф. Гегеля и К. Маркса, первый из которых связывал конец истории с либеральной моделью общества, а второй с коммунистической, тождественных в том плане, что общество, в конечном счете, когда-то решит все экономические и политические проблемы, и тем самым история, понимаемая не как простой ряд событий, который никогда не прервется, а как некая генеральная линия развития человечества, перейдет в некую однообразную эволюционную линию не мотивированного и не направляемого какими-либо всеобщими целями и смыслом простого существования. По мнению Ф. Фукуямы, коммунистическая модель общества оказалась принципиально нереализуемой, а потому его собственное понимание конца истории осталось на одном либеральном основании. Нельзя не отметить, что Ф. Фукуяма не совсем корректен по отношению к К. Марксу, который прямо указывал, что именно с коммунизма начинается подлинная история человечества, а до него общество переживает всего лишь свою предысторию.

Позиция Ф. Фукуямы не случайно неоднозначна в том плане, что даже при допущении всеобщего мирового перехода на рельсы либерального развития нельзя абсолютно отрицать возможность становления в дальнейшем нового типа общества с новыми историческими формами борьбы идеологических страстей, экономических потрясений и военных столкновений на уничтожение конкурентов, — то есть к началу новой истории. Для конкретных сценариев такого хода развития современность не дает достаточного фактического материала, а пророчествовать серьезные исследователи не берутся.

Причиной такой неопределенности является утопичность исходной посылки рассуждений о конце истории двух вышеуказанных классиков, на которую сознательно опирается Ф. Фукуяма. Это технологический утопизм, состоящий в утверждении возможности общества обеспечить всеобщее выживание своих членов за счет достижения наивысшей производительности труда на базе научно-технического прогресса. И тогда действительно возникает вопрос о смысле и целевой направленности существования людей в условиях достижения всеобщего благополучия. Г. В. Ф. Гегель, по словам Ф. Фукуямы, оперирует здесь некой абстрактной духовностью (по аналогии с Платоновской душой), состоящей в стремлении к неистребимому стремлению человека самоутверждению, признанию его самодостаточности другими людьми и возвышению над ними. К. Маркс, как известно, дал более конструктивный ответ на этот вопрос в своей идее превращения труда из внешней необходимости в первую жизненную потребность человека. Но, ни тот, ни другой выход из ситуации с неопределенностью некой всеобщей универсальной мотивации человеческой жизнедеятельности в условиях тотального экономического благополучия, политической стабильности и идеологического угасания не являются достаточно обоснованными и представляют собой некое вынужденное допущение, не опирающееся на логически последовательные аргументы.

Ф. Фукуяма опирается на сформировавшуюся в XVIII – XIX в. в. абсолютистско-прогрессивистскую модель общественного развития, состоящую, как было отмечено выше, в утверждении возможности неограниченного общественного прогресса, обуславливающего наступление конца истории, понимаемой, следовательно, как движение от

недостаточно совершенного общества к предельно совершенному состоянию, то есть к своему завершению. Но это все допущения, и до тех пор, пока не будет вскрыт закон социального бытия, за рамки взаимоисключающих равноправных допущений не выйти.

Величайший миф индустриальной эпохи, по крайней мере, в рамках европейской культуры, — это вера в абсолютный прогресс, позволяющий обществу достичь гармонии во всех сферах бытия на основе неуклонного роста производительных возможностей. При всей гуманистической направленности этого мифа он, в конечном счете, всегда служил прикрытием и оправданием глубокой социальной дифференциации, вселяя в представителей низших слоев веру в лучшее будущее, общеисторический оптимизм, выходящий за пределы живущего поколения. Причем это в равной мере относится к внешне противоположным социальным моделям — капиталистической и коммунистической. От религиозного мифа он отличается только тем, что во главу угла ставит другой источник всеобщего блага — труд на основе научно-технического прогресса.

Исходя из этого мифа, сформировалась и основная социально-философская парадигма, единая для большинства направлений, зачастую далеко отстоящих друг от друга в общеполитическом плане. В соответствии с ней несовершенство человеческого бытия обусловлено главным образом действием «закона людей», а не «закона вещей». Это означает, что со стороны природы нет непреодолимых препятствий для нормального обустройства жизни людей; основные препятствия на пути к такому обустройству исходят от самих людей, от их собственных пороков и неумения наладить свою общественную жизнь. Иначе говоря, люди могут преодолеть природу, но не могут преодолеть себя. Отсюда следуют два альтернативных вывода: либо надо менять существующую систему отношений, создавать новую, обеспечивающую каждому индивиду возможность человеческого существования (путем социальной революции или социальных реформ); либо надо смириться и принять все как предустановленную данность природного или божественного происхождения.

Человек преодолел границы естественно-природного равновесия, получив на основе использования техники дополнительные средства жизни сверх данного самой природой и увеличив свою численность в той же

самой среде обитания. Его жизнедеятельность осуществляется в рамках производственно-природного равновесия, переходящего с одного уровня на другой по мере расширения сферы материального единства общества и природы. Тем не менее, в качестве потребляющей системы в границах одного и того же типа материально-технического развития общество принципиально не отличается от любой другой органической системы в том плане, что извлекает из окружающей природной среды вполне определенные ресурсы, конкретные вещества и в силу их исчерпаемости всегда ограничено в своем росте. На каждой очередной ступени производственно-природного равновесия, соответствующей историческому типу материально-технического развития, имеется абсолютный предел роста, не преодолев который, общество не только не поднимется на более высокий уровень, но не сможет удержаться и на существующем, поскольку потребляет ресурсы сверх суммы их фиксированных запасов и естественного воспроизводства.

Следовательно, однажды вырвавшись за пределы естественно-природного равновесия, общество обрекло себя на вечную смену технологических ступеней, не будучи в состоянии окончательно закрепиться на какой-либо из них, поскольку безвозвратно исчерпывает невозобновляемые ресурсы и превышает уровень восстановления возобновляемых ресурсов. На каждом этапе материально-технического развития оно необходимо достигает предельного уровня производства и, чтобы не погибнуть, вынуждено переключаться на использование качественно новой ресурсной базы. В целом материально-техническое развитие общества предстает перед нами как поступательный необратимый процесс, при этом каждый новый производственно-технологический переход осуществляется ценой все более возрастающих дополнительных затрат.

Достижение общепланетарного рубежа во взаимодействии общества и природы положило конец абсолютистскому подходу в оценке общественного прогресса, основанному на убеждении в возможности обеспечения человечеством такого гармоничного состояния, когда будет покончено с голодом, неравенством, войнами и различными человеческими пороками, когда появятся неограниченные возможности совершенствования людей и т. п. Такое убеждение базировалось на признании неограниченности

материально-технического развития, уходящего в неопределенное будущее. И вот человечество достигло предела в возможности того непрерывающегося роста, к которому оно привыкло, и с которым связывались прогрессивистские идеи, а все перечисленные и им подобные проблемы не только не исчезли, но даже обострились.

Человечество, войдя в процесс глобализации, оказалось на распутье. Объективное содержание этого тезиса заключается в становлении единой системы внутреннего социального взаимодействия, то есть в исчерпании резервов развития на основе фундаментального социального отношения «цель—средство» в рамках внешнего, межобщностного взаимодействия. Конечно, разделения земного сообщества на внешние друг для друга общности еще хватает, возникают новые формы межобщностного разделения и неэквивалентного обмена результатами деятельности, появляются новые субъекты социальной дифференциации. Однако средства борьбы за выживание беспредельно усиливаются, угроза глобальной социальной катастрофы возрастает, а сама борьба за выживание все ближе к признанию в качестве нормального естественного состояния. Границы между «своими» и «чужими», целью и средством становятся все более подвижными, при этом разум протестует против такого разделения, ищет из него выход, но не находит рецептов ни в религии, ни в светской утопии.

Современное общество достигло некоторого предельного состояния, возможного при существующем способе жизнедеятельности. Во-первых, это исчерпание материального производства, обнаружение его ресурсных и технологических пределов при отсутствии видимого альтернативного пути материально-технического развития. Во-вторых, в ходе социального взаимодействия, борьбы за жизненное пространство общностям уже некуда расширяться или отступить без столкновения с другими общностями, человечество сомкнулось в ограниченном пространстве.

Глобальный мир можно рассматривать как одну общность, объединяемую необходимостью совместной жизни разных общностей по определенным правилам, при соблюдении общих норм (по аналогии с подчинением отдельных индивидов законам права и морали). Однако в глобальном мире, как и в рамках отдельной общности, предполагаются правила жизни в интересах лидеров, а тех, кто не подчиняется, подавляют силой.

Важно отметить, что глобальный мир — это еще не все человечество, а всего лишь расширяющаяся сфера социального объединения, хотя и представленная наиболее развитыми зонами. Глобализация ведет к переструктурированию мира, идет процесс складывания новых геоисторических общностей.

В условиях глобальной кризисности материально-технического развития, выражающейся в достижении обществом предельных значений по всем основным показателям исчерпаемости окружающей среды, каждый кризис может оказаться последним в том смысле, что выход из него не будет означать возврата на исходные позиции продолжения роста, а будет означать переход на какие-то иные пути общественного развития с некой катастрофической прелюдией, о чем можно строить лишь смутные догадки.

Кризис современной цивилизации, понимаемой как технологический способ жизни и как мировое сообщество, существенно отличается от прошлых кризисов, связанных с перепроизводством и переделом территорий и приводивших к войнам, в которых искали выход из кризиса. В соответствии с техносоциальной формулой общества происходит абсолютный рост производства, населения и потребления. Если до недавнего времени абсолютный предел роста связывался с ростом населения (недостаток продовольствия), то теперь на первый план все больше выходит угроза предела самого производства, эффективность которого неуклонно снижается. Начало такого кризиса отчетливо проявляется в нарастающем дефиците энергоносителей.

В целом наблюдается рост предметной оснащенности человеческой жизни, усиливается материальное воздействие на окружающую природную и социальную среду, т. е. усиливается предметное давление людей друг на друга. Усложняется система нормативности общественной жизни, углубляется противоречие между естественным правом каждого человека на то или иное действие со своей стороны и таким же правом ограничения этого действия со стороны других людей. Абстрактно это противоречие неразрешимо, но конкретно оно решается в системе социальной дифференциации, в отношении «цель – средство». В условиях воздействия глобализации кризис материально-технического развития сопровождается

кризисом социально-культурной идентификации субъектов мирового взаимодействия.

Таким образом, механизм кризиса современной цивилизации в самом общем виде можно обрисовать следующим образом:

Есть определенные циклы, не заданные и не повторяющиеся. Общество все время идет по какому-то новому пути. Новизна — это объективная необходимость цивилизации. Здесь нет никакого ценностного содержания. Новизна — не судьба, не обреченность, не приговор, это просто необходимость, но всегда имеются какие-то этапы устоявшегося способа существования. Если не переменить способ, когда он исчерпывается, будет кризис. Если из кризиса не выйти, будет конец. Опять же, не в том смысле, что все погибнут, а в том, что общество безостановочно покатится назад, но это только абстрактно-гипотетически, ибо человечество всегда меняет направление и движется дальше. Именно дальше, а не вперед, поскольку такого определенно-поступательного направления не существует.

Будущее никогда не будет лучше или хуже настоящего, которое в свою очередь не хуже и не лучше прошлого. История — это никогда не прекращающееся настоящее, в котором всегда кому-то хорошо, а кому-то плохо, т. е. всегда сохраняется фундаментальное социальное отношение, разделяющее людей на цель и средство. Состояние, когда всем было бы хорошо или плохо, принципиально невозможно.

По мере цивилизационного развития проблемы будут обостряться, точнее, будет эволюционировать специфически-человеческий способ жизни: все больший отрыв от естественных оснований, увеличение степени риска, обострение всех проблем. Идеального состояния не будет никогда, потому что его не может быть в принципе. Ухудшение положения будет все более вероятным: обострение борьбы, обострение средств ведения войны, средств уничтожения. С другой стороны, происходит совершенствование всех средств защиты, однако степень общей неравномерности увеличивается, т. е. разрушительные следствия в результате каждого очередного конфликта возрастают.

В целом картина такая: достижения идеального состояния не будет, потому что оно невозможно. Остается состояние борьбы за выживание, насилия, динамика только в их обострении. Это как падение вниз —

остановиться невозможно, в процессе падения состоит вся жизнь, но падение происходит с нарастающим ускорением.

Проблема будущего — объективная проблема устойчивости развития. Будущее не гарантировано, устойчивость материально-технического и аспекте, т. е. как движение от неосознаваемого несовершенства жизни (прошлое) через ее осознанное недостаточное совершенство (настоящее) к достижению полного совершенства (будущее). Надежды на лучшее связывают с будущим, вера в него поддерживает, позволяет терпеть трудности настоящего, с будущим связан оптимизм.

Современность *нашего* времени рождает страх перед будущим, экстраполируя в него негативные изменения жизни, обусловливаемые цивилизационным развитием общества, светская модель Апокалипсиса все сильнее затемняет горизонт будущего. Осознание техносоциальной формулы лишает человека будущего в том плане, что устраняет его ценностно-прогрессивистское наполнение, лишает человека надежды и веры в лучшее, заставляет его принять настоящее и предстоящее как должное. Лучше не будет, но и хуже не станет. Люди живут один раз, причем не только в своем времени (относительно), но и во всеобщем времени (абсолютно); люди *как люди* одинаковы, будь то древние греки или современные французы; и то, *как* они проживают — например, по возможности пользоваться достижениями цивилизации, — определяется не принадлежностью к эпохе (допустим, электричества или компьютеров), а местом в социальном пространстве, т. е. доступностью этого самого электричества и компьютеров.

Общество еще не оказывалось в безнадежном историческом тупике, однако выходы из критических ситуаций, как правило, были связаны с войной, которая все перемешивает, сглаживает социальные перепады, уничтожает все лишнее и выводит общество на очередной виток техносоциального развития. История знает две мировые войны (или одну с перерывом), но еще не было глобальных войн, имеющих целью не перекраивание территорий, занимаемых общностями, а реформирование самих общностей, перестраивание социальной структуры человечества. Логично предположить, что смена поколений оружия без всеобщего боевого применения может рассматриваться как начало глобальной войны в виде

постоянной гонки вооружений и непрекращающихся локальных конфликтов, т. е. войны оружия как войны экономик.

Человеческий способ существования живого, выражающийся в избыточности предметного наполнения жизни, достиг своего предела на базе созданного материального субстрата техники. Есть или нет объективный предел человеческому способу существования живого, т. е. предел предметному наполнению жизни, — это абстрактный вопрос, имеющий равноправные альтернативные ответы. Признание неисчерпаемости природы и неограниченности человеческого интеллекта позволяют оптимистически отвечать на этот вопрос. Но здесь важно другое: переход на новый уровень в освоении природы, к новому материальному субстрату техники, требует перехода к новой системе общественных отношений. Наверное, ключевым словом здесь является понятие глобального общества, но не как единого человечества, не либерального и не централистского, а характеризующегося своими специфическими формами социальной дифференциации, выражающей фундаментальное социальное отношение цели и средства. В глобальном обществе устанавливается новый тип социальной дифференциации, в которой линии внутриобщностного и межобщностного разделения на цель и средство сплетаются в пронизывающую все общество сеть, и демократия доводится до своего логического предела — становится всеобщим правом борьбы за выживание, когда само понятие права становится излишним.

Бытует выражение — «этот безумный мир». Нет, мир нормальный, обычный, т. е. он соответствует закону. Модели безумного или порочного мира, провозглашающие его исправление, улучшение, прогресс и пр., не имеют под собой объективных оснований и являются идеологическим средством в борьбе за выживание.

История — это путь к совершенному состоянию, достижение которого означает ее конец. Здесь уместна параллель с человеком, жизнь которого еще далека до окончания, но она уже состоялась, и ничего нового в ней ожидать не приходится, — человеку остается только простое доживание с надеждой на его достаточную длительность. Конец истории и конец биографии совпадают. Утрата веры в лучшее будущее (либо от отчаяния, либо от пресыщения), когда оно перестает быть жизненным ориентиром,

когда прекращается развитие и остаются просто события. Жизнь без развития, т. е. без движения к цели, теряет ценность и смысл. Если же согласиться с тезисом об отсутствии объективного основания смысла жизни, то историю следует признать иллюзией.

Существование человечества состоялось, ничего нового уже не будет. Модели будущего, утопии остались позади, сейчас их никто не строит и не выдвигает. В лучшем случае осталось только стремление к решению текущих проблем. Но их не решить раз и навсегда, человечество обречено на их перманентную неразрешимость. Время экспериментальных социальных моделей закончилось. Остались только проблемы и всеобщая борьба. Однако в силу неравномерности и социальной дифференцированности общественной жизни кто-то сохраняет устремленность в будущее и оказывается более сильным в борьбе за существование. Утрата будущего означает утрату жизненной силы.

Свойственный абсолютистской модели общества модернизм предполагает исторический подход к общественной жизни, различение прошлого, настоящего и будущего с позиций прогрессивизма, в ценностном аспекте, т. е. как движение от неосознаваемого несовершенства жизни (прошлое) через ее осознанное недостаточное совершенство (настоящее) к достижению полного совершенства (будущее). Надежды на лучшее связывают с будущим, вера в него поддерживает, позволяет терпеть трудности настоящего, с будущим связан оптимизм. Объяснение общественной жизни в рамках абсолютистской модели методологически перестало работать. Процессы глобализации получают адекватное (рациональное, логически последовательное) объяснение в рамках релятивистской модели. Говорить о достоверности, истинности или ложности здесь не приходится, поскольку объяснение общественной жизни всегда идеологически нагружено. Однако построение целостной модели общества в рамках релятивистского подхода более продуктивно. Релятивистская модель методологически более эффективна, потому что позволяет построить именно целостную модель, в которой все сферы, все элементы общества объясняются в одном методологическом ключе. Рассмотрение по отдельным сферам вообще вне какого-либо методологического основания является сугубо эмпирическим,

оно ценно в плане технологии социальной борьбы, но теоретически никак не обосновано.

Таким образом, объективный процесс истории, как последовательность чувственно-предметных событий, не имеет ни смысло-целевой, ни определенной финально-стремительной направленности. События и процессы, из которых складывается так называемая всеобщая история, не низаны в определенном порядке на некую стрелу времени, а образуют множество реальных историй, представляющих собой целостные состояния общества, характеризующиеся определенными циклами развития, не образующими в своей совокупности всеобщего целостного исторического процесса. Всеобщая история обретает целостность в картине, рисуемой человеческим сознанием в виде интегральной ретроспективы, ориентированной на настоящее и проецируемой на будущее. При таком рассмотрении история предстает перед нами не иначе, как миф, с утратой которого наступает ее конец.

Экстраполяция достижений научно-технического прогресса все чаще рождает тезис о так называемом постчеловеческом будущем. Здесь имеют место две линии футурологических построений — одна связана с индивидуальным развитием человека, другая с его общественной организацией.

В рамках первой линии предполагается, что биологическая эволюция может смениться биологической революцией. Совершенствование человека (усиление его физических и интеллектуальных возможностей, увеличение продолжительности жизни) результативно, но очень дорого стоит. Следовательно, совершенствоваться будет богатое меньшинство, разрыв с большинством по всем показателям будет увеличиваться. Различия будут биологически закрепляться (новые виды людей, наподобие новых рас). Это различие будет как межиндивидуальное, так и межобщностное (лидеры и аутсайдеры). Различия по видам деятельности можно просчитать, если, конечно, просчитывается материально-техническое развитие.

С усилением материально-технической оснащенности человеческой деятельности связывается уверенность в росте общественного богатства и возможности массового потребления, т. е. всеобщего благополучия. Однако сущностное понимание общественной жизни заключается в понимании техносциальной формулы общества, с учетом действия которой прогнозы

материально-технического развития будут хоть как-то обоснованы. Эта формула никогда не перестает действовать, фундаментальным социальным отношением остается отношение «цель – средство», главной движущей силой общественного развития остается борьба за выживание, сохраняется насилие, не исчезает мифологичность сознания. Исторические формы всего этого меняются, действует тенденция перехода от непосредственного насилия к опосредованному, когда оно обеспечивается самой организацией общественной жизни и принимается всеми.

Войдет ли общество в некое длительное стабильное существование, основанное на естественном равенстве? Но такого никогда не было, а в силу действия техносоциальной формулы общества это принципиально невозможно.

Список литературы:

1. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма; Пер. с англ. М. Б. Левина. — М.: ООО «Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004.

2. Горюнов В. П. Объективные основания синдрома конца истории // Научное мнение: научный журнал / Санкт-Петербургский университетский консорциум. — СПб., 2012. — № 10, с. 3 – 20.

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ В ФГБОУ ВПО МГУПП СПЕЦИАЛИСТОВ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

М. М. Благовещенская, директор института дополнительного профессионального образования (ИДПО), *Московский государственный университет пищевых производств*

В современных социально-экономических условиях развития общества к личности специалиста предъявляются новые требования. От узко-профессионального подхода акценты переносятся на многостороннее профессиональное развитие специалиста в соответствии с возросшей ролью личности в решении общественных проблем. Профессиональная деятельность специалиста является, способом существования человека,